

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

**Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.**

**Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

А. П. ЧЕХОВЪ

ВЪ

ГРЕЧЕСКОЙ ШКОЛЪ

Послѣ смерти Анто́на Павловича Чехова о немъ возникла цѣлая литература, отнесшаяся въ высшей степени сочувственно къ его памяти. Покойный писатель былъ охарактеризованъ со многихъ сторонъ—и какъ человекъ, и какъ авторъ, и какъ мыслитель - идеалистъ, и даже какъ quasi - пессимистъ. Были также попытки дать матеріалъ для его біографіи. Но это былъ лишь отрывочный, случайный матеріалъ—эпизоды, выхваченные изъ жизни писателя и переданные частью правдиво, частью же въ искаженномъ видѣ. Стройнаго цѣлаго по этимъ отрывкамъ составить нельзя. Біографіа Анто́на Павловича—дѣло будущаго, да пожалуй—и не особенно близкаго.

О дѣтствѣ покойнаго А. П. Чехова, о его первоначальномъ воспитаніи и о первыхъ школьныхъ шагахъ не написано пока еще ни одной строки. Правда, когда телеграфъ привезъ изъ Баденвейлера извѣстіе о его ранней кончинѣ и когда искренно горевала объ ушедшемъ крупномъ талантѣ вся интеллигентная и мыслящая Россія, редаціи нѣкоторыхъ южныхъ газетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ собрали отъ проживающихъ въ Таганрогѣ родственниковъ покойнаго—преимущественно отъ дальней тетки Анто́на Павловича, Марѣы Ивановны Морозовой—немало свѣдѣній о его дѣтскихъ годахъ. Но эти свѣдѣнія односторонни и не всегда точны. Оно и понятно. М. И. Морозова теперь—уже преклонныхъ лѣтъ: многое уже испарилось изъ ея памяти, а многое и перемѣшалось. О первыхъ же собственно школь-

ныхъ годахъ Антона Павловича никто не могъ ничего разска-
зать репортерамъ ростовскихъ и таганрогскихъ газетъ. Эти свѣдѣ-
нія можно было почерпнуть только въ тѣсной семьѣ его ближай-
шихъ родственниковъ. Но семьѣ, подавленной горемъ, было не до
того. Да къ ней, къ слову сказать, мало кто и обращался. Пред-
ставители журнальнаго и газетнаго міра были — за немногими
исключеніями — очень деликатны, щадили чужое горе и не при-
ставали съ разспросами.

Ближе всѣхъ жизнь покойнаго писателя знали его братья.
Но ни одинъ изъ нихъ, подъ давленіемъ семейнаго горя, вызван-
наго тяжелою утратой, долго не могъ взяться за перо, и только
сравнительно недавно Мих. П. Чеховъ напечаталъ въ „Журналѣ
для всѣхъ“ обстоятельную и правдивую страничку изъ жизни
Антонъ Павловича-юноши. Періодъ же перваго и самаго ран-
няго школьнаго возраста составляетъ пробѣлъ.

Теперь, когда жгучая боль улеглась и когда воспоминаніе
объ утратѣ волнуетъ уже не такъ сильно, я позволяю себѣ скром-
ную попытку пополнить пробѣлъ и набросать по воспоминаніямъ
нѣсколько страницъ изъ ранней школьной жизни Антона Павло-
вича. Я увѣренъ, что эти страницы извѣстны только одному мнѣ,
какъ самому старшему члену въ семьѣ и какъ ученику той самой
греческой школы, о которой сейчасъ пойдетъ не лишняя —
какъ мнѣ думается — нѣкотораго бытового интереса рѣчь.

I.

Антонъ Павловичъ, какъ извѣстно, родился въ Таганрогѣ
и тамъ же получилъ свое первоначальное и гимназическое обра-
зованіе. Онъ до самой своей смерти относился къ этому городу,
какъ къ родному, заботился о его публичной библіотекѣ и велъ
оживленную переписку съ его видными представителями.

Павла Егоровича и Евгенію Яковлевну Чеховыхъ — родителей
покойнаго писателя — Богъ благословилъ многочисленной семьей:
у нихъ было пятеро сыновей и одна дочь. Антонъ Павловичъ
былъ третьимъ сыномъ. Павелъ Егоровичъ былъ таганрогскимъ
вупцомъ второй гильдіи, торговалъ бакалейнымъ говаромъ, поль-
зовался общимъ уваженіемъ и несъ на себѣ общественныя — по-
четныя, а потому и бесплатныя — должности ратмана полиціи, а
впослѣдствіи — члена торговой депутаціи. Слылъ онъ среди со-
гражданъ за человѣка состоятельнаго, но на самомъ дѣлѣ едва
сводилъ концы съ концами. Таганрогъ, нѣкогда цвѣтущій въ тор-

говомъ отношеніи городъ, понемногу падалъ. Падала вмѣстѣ съ этимъ и торговля Павла Егоровича. Жизнь съ каждымъ годомъ становилась дороже, а семья—все прибавлялась и разрасталась. Все это незамѣтно, но упорно подтачивало матеріальное положеніе семьи Чеховыхъ и въ концѣ концовъ привело къ краху, который замѣтнымъ образомъ отразился и на дальнѣйшей жизни писателя. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Для того же, чтобы читателю былъ ясенъ дальнѣйшій рассказъ, необходимо дать хоть нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ былъ Таганрогъ въ то время, когда Антонъ Павловичъ достигъ школьнаго возраста.

Это былъ городъ, представлявшій собою странную смѣсь патриархальности съ европейской культурою и внѣшнимъ лоскомъ. Добрую половину его населенія составляли иностранцы—греки, итальянцы, нѣмцы и отчасти англичане. Греки преобладали. Расположенный на берегу Азовскаго моря и обладавшій мало-мальски сносною, хотя и мелководною гаванью, построенной еще княземъ Воронцовымъ, городъ считался портовымъ, и въ тѣ, не особенно требовательныя времена оправдывалъ это названіе. Обширныя южныя степи тогда еще не были такъ распаханы и истощены, какъ теперь; ежегодно милліоны пудовъ зернового хлѣба, преимущественно пшеницы, уходили за границу черезъ одинъ только таганрогскій портъ. Нынѣшнихъ конкурентовъ его—портовъ ростовскаго, маріупольскаго, ейскаго и бердянскаго—тогда еще не было.

Большіе иностранные пароходы и парусныя суда останавливались въ пятидесяти верстахъ отъ гавани, на такъ-называемомъ рейдѣ, и производили выгрузку и нагрузку съ помощью мелкихъ каботажныхъ судовъ. Каботажемъ занимались по преимуществу мѣстные греки и болѣе или менѣе состоятельные мѣщане изъ русскихъ. Огромный же контингентъ недостаточнаго русскаго населенія, такъ называемые „дрягили“ (испорченное нѣмецкое: „Träger“) снискивали себѣ пропитаніе перевозкою хлѣба изъ амбаровъ въ гавань и нагрузкою его въ трюмы судовъ. Народъ этотъ находился въ полной матеріальной зависимости отъ богатыхъ негоціантовъ - грековъ, и зависимость эта нерѣдко переходила въ самую отвратительную и ничѣмъ не прикрываемую кабалу. Въ кабалѣ же состояли и владѣльцы мелкихъ каботажныхъ судовъ,—они же и шкипера этихъ судовъ.

Аристократію тогдашняго Таганрога изображали собою крупные торговцы хлѣбомъ и иностранными привозными товарами—греки: печальной памяти Вальяно, Скарманга, Кондоянаки, Му-

сури, Сфаелло и еще нѣсколько иностранныхъ фирмъ, явившихся Богъ-вѣсть откуда и сумѣвшихъ забрать въ свои руки всю торговлю юга Россіи. Все это были милліонеры и притомъ — почти всѣ болѣе или менѣе темнаго происхожденія, малограмотные и далеко не чистые на руку. Архимилліонеръ Вальяно держалъ въ полной экономической отъ себя зависимости не только торговое и мореходное населеніе Таганрога, но и множество окрестныхъ помѣщиковъ - хлѣборобовъ. Его огромныя богатства не помѣшали ему, однакоже, стать во главѣ контрабандистовъ и сдѣлаться первымъ персонажемъ въ памятномъ еще и до сихъ поръ, громкомъ процессѣ хищеній въ таганрогской таможенѣ. Этотъ процессъ, надѣлавшій въ свое время столько шума, прочно установилъ, что такіе финансовыя тузы, какъ Вальяно, Мусури и tutti quanti, не стыдились съ помощью тогдашней таможни обворовывать въ теченіе ряда лѣтъ русскую казну на сотни тысячъ рублей ежегодно. Наличность милліоновъ въ карманѣ, крупная торговля съ Европою и мелкія сдѣлки съ совѣстью шли у этихъ господъ рука-объ-руку и другъ другу не мѣшали. Таможенные чиновники пошли въ ссылку, а виноватыя негоціанты перемѣнили лишь вывѣски фирмъ и продолжали торговать и блаженствовать.

Зато внѣшняго, мишурнаго доска было много. Въ городскомъ театрѣ шла нѣсколько лѣтъ подрядъ итальянская опера съ первоклассными пѣвцами, которыхъ негоціанты выписывали изъ-за-границы за свой собственный счетъ. Примадоннѣ буквально засыпали цвѣтами и золотомъ. Щегольскіе заграничныя экипажи, породистые кони, роскошныя дамскіе тысячныя туалеты составляли явленіе обычное. Оркестръ въ городскомъ саду, составленный изъ первоклассныхъ музыкантовъ, исполнялъ симфоніи. Мѣстное кладбище пестрѣло дорогими мраморными памятниками, выписанными прямо изъ Италіи отъ лучшихъ скульпторовъ. Въ клубѣ велась крупная игра, и бывали случаи, когда за зелеными столами разыгрывались въ какой-нибудь часъ десятки тысячъ рублей. Задавались лукулловскіе обѣды и ужины. Это считалось шикомъ и проявленіемъ европейской культуры.

Въ то же время Таганрогъ щеголялъ и патріархальностью. Улицы были немощеныя. Весною и осенью на нихъ стояла глубокая, невылазная грязь, а лѣтомъ онѣ покрывались почти сплошь буйно разросшимся бурьяномъ, репейникомъ и сорными травами. Освѣщеніе на двухъ главныхъ улицахъ было болѣе, чѣмъ скудное, а на остальныхъ его не было и въ поминѣ. Обыватели ходили по ночамъ съ собственными ручными фонарями. По субботамъ по городу ходилъ съ большимъ вѣвникомъ на плечѣ, на

подобіе солдатскаго ружья, баньщикъ и выкрививаль:— „Въ баню! Въ баню! Въ торговую баню!“... Арестанты, запряженные въ телѣгу, вмѣсто лошадей, провозили на себѣ черезъ весь городъ изъ склада въ тюрьму мѣшки съ мукой и крупой для своего пропитанія. Они же всенародно и варварски уничтожали на базарѣ бродячихъ собакъ съ помощью дубинъ и вѣровъ. Лошади пожарной команды неустанно возили „воду и воеводу“, а пожарныя бочки высыхались и разваливались отъ недостатка влаги. Иностранныя негодіанты выставляли на видъ свое богатство и роскошь, а прочее населеніе съ трудомъ перебивалось, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ.

Такова была фзіономія тогдашняго Таганрога.

Помимо крупныхъ негодіантовъ и закабаленныхъ ими полуголодныхъ пролетаріевъ, существовалъ еще классъ обывателей.— Это были такъ называемые „маклера“, тоже большею частью иностранцы. Эти господа имѣли свои „конторы“, скупали мелкими партіями привозимый изъ деревень чумаками на волахъ хлѣбъ, ссыпали его въ амбары и затѣмъ перепродавали Вальяно или другимъ тузамъ, составлявшимъ крупныя партіи уже для отправки за границу. У этихъ тузовъ также были свои конторы. Въ нихъ совершались торговыя сдѣлки и велась обширная коммерческая переписка съ иностранными европейскими фирмами. У Вальяно, который до конца дней своихъ не научился ни читать, ни писать и умеръ въ буквальномъ смыслѣ слова неграмотнымъ, служилъ въ конторѣ цѣлый штатъ клерковъ, бухгалтеровъ и разныхъ дѣлопроизводителей. Штатъ этотъ получалъ довольно солидное содержаніе—и попасть клеркомъ въ контору къ Вальяно или къ Кондоюнаки, къ Скарманга или къ кому-нибудь изъ этихъ финансовыхъ дѣльцовъ—значило составить себѣ карьеру.

Объ этихъ мѣстахъ въ греческихъ конторахъ мечтали, какъ о маннѣ небесной, подроставшіе юноши; о томъ же мечтали и отцы, поднимавшіе на ноги своихъ чадъ. Но для того, чтобы явиться достойнымъ кандидатомъ на эту манну, нужно было знать иностранныя языки и, главнымъ образомъ, греческій,—не древній, изучаемый въ гимназіяхъ, а новѣйшій, на которомъ говорятъ, читаютъ, пишутъ и издаютъ газеты нынѣшніе измельчавшіе потомки великихъ Софокловъ, Демосѣеновъ, Сократовъ и Платоновъ.

Павель Егоровичъ—отецъ Антона Павловича—тоже мечталъ о подобной карьерѣ для своихъ сыновей. Въ то время окладъ жалованья въ тысячу или въ полторы тысячи рублей въ годъ счи-

тался не только достаточнымъ, но и богатымъ. А греческія конторы выплачивали такіе оклады безъ труда, лишь бы служащій былъ человекомъ подходящимъ, расторопнымъ, смѣтливымъ и зналъ свое дѣло.

— Ну, что вотъ я, — говаривалъ нерѣдко Павелъ Егоровичъ Евгеніи Яковлевнѣ: — съ утра до ночи сижу въ своей лавкѣ, торгую, а каждый годъ при подсчетѣ оказываются одни убытки... То ли дѣло служить у Вальяно или у Свараманги... Сидитъ человекъ въ теплѣ, спокойно за конторкой, пишетъ и щелкаетъ на счетахъ, и безъ хлопотъ получаетъ чистоганомъ тысячу рублей въ годъ. Надо будетъ отдать дѣтей въ греческую школу...

— Не лучше ли въ гимназію? — возражала Евгенія Яковлевна.

— Богъ съ нею, съ гимназіей!.. Что она даетъ? Вонъ у Ефремова сынъ вышелъ изъ пятого класса, и латынь училъ, — а что въ немъ толку? Сидитъ у отца на шеѣ, ходитъ безъ дѣла по городу да пожарнаго возла дразнить...

Въ Таганрогѣ въ то время существовали: мужская и женская гимназія, уѣздное училище и та самая греческая школа, о которой идетъ рѣчь.

II.

Греки имѣютъ въ Таганрогѣ свою греческую церковь, стоящую на Греческой улицѣ. Церковь эта — довольно изящной архитектуры — построена почти на самомъ краю высокаго обрыва, спускающагося круто къ морю. Принадлежитъ она исключительно однимъ только грекамъ, и богослуженіе въ ней совершается на одномъ только греческомъ языкѣ. Храмъ этотъ очень богатъ. Почти всѣ иконы и лампы увѣшаны серебряными и золотыми кораблями — приношеніями шкиперовъ, обрацавшихся во время бури къ заступничеству угодниковъ и спасшихся отъ нея. Въ этой церкви воспринимается отъ купели, вѣнчается, говѣетъ и отпѣвается исповонъ-вѣка вся мѣстная греческая аристократія. (У итальянцевъ есть свой костель, а у нѣмцевъ — кирка). Посвященъ храмъ — какъ и слѣдуетъ быть — святымъ, особенно чтимымъ въ самой Греціи. Главный престолъ — во имя св. царя Константина и матери его Елены — и два боковые придѣла — во имя свв. Герасима и Спиридона, которые у грековъ такъ же чтимы, какъ у насъ Николай Угодникъ и Илья Пророкъ. Церкви принадлежатъ большой участокъ земли; на немъ построены дома для церковнаго причта и по срединѣ между ними — большое оди-

этажное зданіе греческой школы, которая тогда называлась официально: „Приходская при Цареконстантиновской церкви школа“.

Содержалась она на добротныя пожертвованія богатыхъ грековъ - меценатовъ. Тратя ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ на итальянскую оперу и на симфоническій оркестръ, они милостиво удѣляли около тысячи рублей на школу. Обучались въ ней главнымъ образомъ дѣти швейперовъ, дрягилей, матросовъ, мелкихъ маляровъ, грековъ - ремесленниковъ и вообще лицъ низшаго ранга. Негоціанты - меценаты и мало - мальски достаточные купцы дѣтей своихъ сюда не отдавали и къ самой школѣ относились брезгливо. И, пожалуй, не безъ основанія: ученики представляли собою „смѣсь одеждъ и лицъ“. Одинъ, по бѣдности родителей, являлся въ классъ безъ всякой обуви, босикомъ, другой — въ изорванной и вымазанной Богъ-вѣсть чѣмъ рубахѣ, третій — со слѣдами уличной битвы, и только очень немногіе были одѣты болѣе или менѣе прилично. Въ большинствѣ случаевъ это были „уличные мальчишки“, изощрившіеся въ кулачныхъ бояхъ и всякаго рода подвигахъ и шалостяхъ, свойственныхъ дѣтямъ, оставляемымъ безъ призора. Любимымъ занятіемъ большинства было шататься по гавани среди выгружаемыхъ иностранныхъ товаровъ и воровать изъ ящиковъ, боченковъ, кулей и мѣшковъ рожки, орѣхи, винныя ягоды, апельсины и лимоны. За это имъ, что называется, „влетало“ отъ дрягилей и хозяевъ товара, и многіе изъ нихъ являлись въ школу съ выдернутыми вихрами, распухшими отъ пощечинъ физиономіями, сильно надранными ушами, а иногда и со слѣдами той экзекуціи, которая мѣшаетъ наказанному сидѣть.

Школа состояла изъ пяти классовъ. Кромѣ того, былъ еще и шестой — нѣчто вродѣ пригготовительнаго: въ немъ малыши начинали съ греческой азбуки. Въ первомъ классѣ ученики учились читать и писать, а въ пятомъ изучали греческій синтаксисъ и исторію Греціи. Это была высшая премудрость, дальше которой ученіе не шло. Въ младшихъ классахъ обучались мальчуганы, начиная отъ шести лѣтъ, а въ самомъ старшемъ — пятомъ — засѣдали на партахъ молодцы лѣтъ девятнадцати и двадцати, очень мало помышлявшіе о школьной премудрости.

Судя по этому короткому описанію, о греческой школѣ можно составить себѣ представленіе, какъ о заведеніи обширномъ и съ довольно широкой программой преподаванія. Но это было бы ошибкой. Всѣ шесть классовъ помѣщались въ одной комнатѣ и во всѣхъ нихъ занимался только одинъ учитель — кефалонецъ Ни-

волай Спиридоновичъ Вучина, или—какъ онъ самъ называлъ себя — Николаосъ Вутсиасъ.

— Какъ же это, — спросить насъ: — шесть классовъ въ одной комнатѣ? И какъ могъ учитель одновременно исполнять свои педагогическія обязанности въ нѣсколькихъ классахъ? Не разрывался же онъ на части?!

Дѣло объясняется просто. Въ большой комнатѣ стояли пять рядовъ длинныхъ, черныхъ, грязныхъ и изрѣзанныхъ ножами школьниковъ партъ. Въ началѣ каждаго ряда этихъ партъ возвышался черный шестъ и на верху его—черная же табличка съ римскою цифрою отъ I до V. Это и были классы. Въ каждомъ классѣ велось свое отдѣльное преподаваніе. Но если по какимъ-либо обстоятельствамъ въ какомъ-либо классѣ становилось тѣсно, то учитель, не задумываясь и не соображаясь съ познаніями, переводилъ учениковъ въ другіе классы, гдѣ мѣста было больше. Справлялся же Вучина со своимъ труднымъ преподавательскимъ дѣломъ очень легко: онъ почти ничего не дѣлалъ и только дрался и изобрѣталъ для учениковъ наказанія. Въ этомъ и заключалось все преподаваніе. Въ настоящее время существованіе подобнаго учебнаго заведенія было бы невысказанно, а тогда оно было не только возможно, но даже и въ порядкѣ вещей. Шенпера и драги отдавали своихъ дѣтей въ эту школу не столько для обогащенія ума книжной наукой, сколько для того, чтобы они не баловались и не мѣшали дома. Одни только наивные люди и меценаты могли вѣрить въ то, что въ этой школѣ ребенокъ могъ чему-нибудь научиться.

Къ числу такихъ наивныхъ людей принадлежалъ и Павелъ Егоровичъ. Не зная ни языка, ни программы школы, ни ея порядковъ, ни внутренней ея уродливой жизни, онъ въ простотѣ душевной вѣрилъ, что если его сынъ научится греческому языку, да еще вызубритъ какою-то таинственнымъ греческимъ синтаксисъ, то дорога этому сыну въ заманчивую контору Вальяно или Кондопаки, какъ въ Обѣтованную землю, будетъ открыта навѣрняка и настезь.

Бакалейная лавка Павла Егоровича съ вывѣскою: „Чай, сахаръ, кофе и другіе колоніальные товары“, какъ и большинство лавокъ въ провинціи, представляла собою въ одно и то же время и торговое заведеніе, и клубъ. Сюда, кромѣ покупателей, каждый день приводили и просиживали по нѣсколькимъ часамъ безъ всякаго дѣла скучавшіе и шатавшіеся безъ опредѣленныхъ занятій обыватели. Это были мелкіе маклера по хлѣбной части, давно обжившіеся въ Таганрогѣ и довольно сносно, хотя и не

безъ акцента говорившіе по-русски греки. Субъекты эти, весьма необразованные, очень недалекіе, явившіеся въ Россію, — какъ они сами выражались, — „безъ панталоніа“ и женившіеся на русскихъ мѣщаночкахъ изъ-за грошеваго приданаго, были влюблены въ свою давно уже покинутую Грецію и лучше ея не находили въ мірѣ ни одной страны. Къ слову сказать, Антонъ Павловичъ въ своей пьесѣ „Свадьба“ вывелъ подъ именемъ грека Дымбы одинъ изъ этихъ типовъ, искренно убѣжденныхъ въ томъ, что „въ Греціи все есть“. Эти-то лавочные завсегдатаи и убѣдили Павла Егоровича въ томъ, что выше и благороднѣе греческаго языка нѣтъ ничего и что въ Аѳинахъ есть такое высшее учебное заведеніе — „тò панэпистѣмїонъ“, т.-е. университетъ, изъ котораго выходятъ только одни гении и мудрецы. Павелъ Егоровичъ, самъ обучавшійся на мѣдные деньги, не имѣлъ основанія не довѣрять этимъ рассказамъ, которыя къ тому же почти всякій разъ заканчивались убѣдительною ссылкой на то, что вотъ-де сынъ русскаго человѣка — Николзевъ — изучилъ греческій языкъ и теперь получаетъ въ конторѣ Вальяно 1.800 рублей въ годъ.

Съ другой стороны, два или три педагога, преподававшіе въ гимназію и забиравшіе въ лавкѣ Павла Егоровича товаръ на книжку отъ „двадцатаго до двадцатаго“, всячески предостерегали отъ греческой школы и стояли горою за гимназію.

— Ну, на что вамъ, Павелъ Егоровичъ, этотъ греческій языкъ, будь онъ неладенъ? — говорили они. — Отдавайте дѣтей въ гимназію. Во-первыхъ, изъ гимназіи выходитъ образованный человѣкъ съ правомъ на четырнадцатый классъ; во-вторыхъ, навсегда избавляется отъ солдатчины и, въ-третьихъ, можетъ поступить въ университетъ. А изъ университета дороги всюду открыты: хочеть — въ чиновники идетъ, хочеть — въ доктора, хочеть — въ учителя... А то можно и въ инженеры... Словомъ, куда угодно...

Павелъ Егоровичъ колебался. Евгенія Яковлевна, смотрѣвшая въ будущее шире, стояла за гимназію. Но тутъ судьба подсушила учителя греческой школы, кефалонца Вучину. Тотъ, въ интересахъ своего учебнаго заведенія и кармана, наговорилъ такихъ „турусовъ на колесахъ“ о преимуществахъ и выгодахъ греческаго языка и такъ расписалъ значеніе синтаксиса, что симпатіи Павла Егоровича почти безповоротно перешли на сторону школы. Выпивъ два или три стакана сантуринскаго вина, Вучина увлекся, повелъ рассказъ объ Иліадѣ и Одисеѣ, рассказъ съ пѣною у рта и съ ворочаньемъ бѣлковъ о подвигахъ греческихъ героев Марка Бодариса и Міаулиса и заявилъ, что

свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть только въ одной греческой школѣ и больше нигдѣ.

— Никого я теперь не послушаю, кромѣ Николая Спиридоновича, — рѣшилъ Павелъ Егоровичъ по уходѣ кефалонца. — Никуда, кромѣ греческой школы, не отдамъ дѣтей учиться. Эта школа много выше гимназій...

Такимъ образомъ, участь Антона Павловича была рѣшена. Остановка была только за деньгами. За обученіе въ школѣ нужно было вносить двадцать-пять рублей въ годъ. А ихъ-то, денегъ, какъ разъ въ то время и не было: торговля, какъ на зло, шла изъ рукъ вонъ плохо. Въ дѣлахъ былъ застой. Но судьба и тутъ оказалась для будущаго писателя мачихой. Въ началѣ сентября, совершенно неожиданно, явился въ лавку старый должникъ — степной помѣщикъ. Онъ много лѣтъ тому назадъ задолжалъ Павлу Егоровичу за товаръ свыше ста рублей и не платилъ. Павелъ Егоровичъ привыкъ уже считать этотъ долгъ безнадежнымъ.

— Урожай въ этомъ году былъ, слава Богу, хорошъ. Зерно полное, — пояснилъ помѣщикъ. — Посмотрите-ка, Павелъ Егоровичъ, сколько я вамъ долженъ?

Павелъ Егоровичъ раскрылъ старыя, запыленные книги; помѣщикъ, въ свою очередь, досталъ изъ божоваго кармана толстый бумажникъ — и долгъ былъ уплаченъ. Павелъ Егоровичъ тотчасъ же пошелъ подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ съ Евгеніей Яковлевной и прибавилъ:

— Завтра же отвезу Колю и Антошу въ школу къ Николаю Спиридоновичу.

— Колѣ и Антошѣ нужно сначала сшить теплыя пальто на зиму, — отвѣтила предусмотрительно Евгенія Яковлевна. — Нужно будетъ послать за отцомъ Антошіемъ: онъ сошьетъ и дешево, и скоро...

За о. Антошіемъ послали въ тотъ же день, а вечеромъ уже велись съ нимъ серьезные переговоры относительно матеріи, подкладки, фасона, цѣны за работу и т. п.

О. Антоній былъ, что называется теперь, — личность темная. Никто не зналъ, откуда онъ и кто онъ. Явился онъ въ Таганрогъ изъ невѣдомыхъ мѣстъ въ видѣ странника съ посохомъ въ рукахъ и съ котомкою за плечами. Въ такомъ видѣ онъ въ одинъ прекрасный іюльскій вечеръ вошелъ въ лавку къ Павлу Егоровичу и попросилъ ночлега. Будучи человекомъ религіознымъ и добрымъ, Павелъ Егоровичъ не отказалъ, и о. Антоній былъ оставленъ ночевать. За ужиномъ онъ рассказалъ столько

назидательнаго и чудеснаго о святыхъ мѣстахъ, что его на утро попросили остаться обѣдать. Онъ согласился и въ теченіе дня помогъ кому-то чѣмъ-то въ хозяйствѣ, и съ той поры получилъ право приходить, когда ему вздумается. Паспорта у него не спрашивалъ никто, зла онъ никому не дѣлалъ, ни въ чемъ дурномъ замѣченъ не былъ и, кромѣ того, объявилъ себя портнымъ, правда, плохимъ, но зато очень дешевымъ. Впослѣдствіи онъ исчезъ изъ Таганрога такъ же неизвѣстно куда, какъ и пришелъ неизвѣстно откуда.

Процедура съ шитьемъ двухъ дѣтскихъ пальто вышла долгая и нѣсколько напомнила гоголевскую „Шивель“, но кончилась благополучно, хотя и не безъ передѣлокъ и поправокъ. Два не по росту длинныхъ пальто съ уродливыми капюшонами и длинными рукавами были сшиты—и Коля, и Антоша, послѣ молитвы „о еже хотящимъ учиться“, торжественно отведены въ греческую школу. Кефалонецъ, потирая отъ удовольствія руки, тутъ же занесъ въ списки учениковъ два новыхъ имени:

„Николаось Тсехофъ“ и „Антоніось Тсехофъ“.

Коля—это старшій братъ Антоша Павловича, художникъ, обнаруживавшій недюжинный талантъ, но рано умершій такъ же, какъ и Антоша Павловичъ, отъ чахотки. Оба брата ходили въ школу вмѣстѣ, оба тянули въ ней бесполезную лямбу и оба испытывали тѣ прелести, о которыхъ рѣчь впереди.

III.

У грековъ нѣтъ звуковъ „ж“, „ч“, „ш“ и „щ“. Поэтому Антоша Павловичъ Чеховъ превратился, какъ уже сказано, въ Тсехофа и такъ и ходилъ подъ этою кличкой до самаго выхода изъ школы. Товарищами его обязались ученики тоже съ не особенно удобоваримыми фамиліями: Вогазіанось, Ливіардопулось, Фекиакись, Ликадасъ, Макрасъ, Антовопулось и т. д. Въ большинствѣ случаевъ это были: Герасимы, Спиридоны, Георгии, Евлампія и Константины. Николай и Иваны встрѣчались значительно рѣже. Все это былъ типичный черномазый и горбоносый народъ. Будущій русскій писатель сразу очутился въ какомъ-то новомъ и чуждомъ по нравамъ и языку мѣрѣ. Кругомъ него говорили всѣ по-гречески, задавали вопросы по-гречески и отвѣчали на его русскіе вопросы тоже на этомъ языкѣ. Очувтившись столь неожиданно въ этой чуждой средѣ, Антоша Павловичъ—какъ онъ самъ рассказывалъ послѣ—сразу опѣшилъ и

струсилъ, и это чувство страха значительно возросло въ немъ послѣ того, какъ одинъ изъ учениковъ пятаго класса—Елефтеріосъ Дикиависъ, подойдя къ нему, для перваго знакомства, взялъ его за чубъ и пребольно стукнулъ носомъ о парту.

Ученіе началось съ того, что Николай Спиридоновичъ, проводивъ съ поклонами Павла Егоровича до дверей класса, посадилъ обоихъ новыхъ учениковъ на самую первую скамью, т.-е. въ приготовительный классъ, положилъ передъ каждымъ изъ нихъ по тоненькой книжечкѣ подъ заглавіемъ: „Неонъ Алфавитаріонъ“, т.-е. „Новая азбука“, и сказалъ:

— Завтра нада приносить за каздая книзка 20 копѣйкъ. Скажите это васа папаса. А типерь вазмите книзка и уцйте: альфа, вита, гамма, дельта, эпсилонъ...

Преподавъ такое наставленіе, Николай Спиридоновичъ заложилъ руки въ карманы панталонъ и медленно отправился въ свою жилую половину, которая отдѣлялась отъ класса одной только дверью. По дорогѣ онъ замѣтилъ, что два ученика третьяго класса—Ликиардопулосъ и Пиратисъ—не смотрѣли въ книжку, а о чемъ-то оживленно спорили между собою, и тотчасъ же принялъ мѣры. Взявъ каждаго ученика за чубъ, онъ нѣсколько разъ стукнулъ ихъ головы висками другъ о друга и, выбравшись въ греческомъ діалектѣ, пошелъ далѣе.

Пока онъ проходилъ по классу, вся школа, состоявшая изъ шестидесяти или семидесяти учениковъ, прилежно читала и зубрила; но лишь только онъ скрылся за своею дверью, какъ сразу же поднялся громкій говоръ и затѣялась возня. Молодые силы, насильственно запертыя въ четыре стѣны и предоставленныя самимъ себѣ, рвались наружу. Тутъ были прыжки и зуботычины и всякаго рода шалости. Учитель не показывался изъ своихъ апартаментовъ часа полтора, и только два раза, когда шумъ въ классѣ дѣлался ужъ очень громкимъ, грозно стучалъ въ свою дверь изнутри. Тогда сразу все смолкло и затихло, и среди учениковъ пробѣгалъ трусливый шопоть:

— Дидаскалось! Дидаскалось! (Учитель!)

Время приближалось къ полудню. Новички, братья „Тсехофы“, уже успѣли къ этому времени и натерпѣться отъ своихъ товарищей всякихъ толчковъ и пинковъ, и проголодаться, но заданнаго урока не выучили. Оба они тупо смотрѣли въ свои книжки и ровно ничего не понимали въ мудреныхъ букввахъ греческой азбуки. На ихъ грустное положеніе не откликнулся никто.

Наконецъ, вышелъ изъ своей двери учитель. Все затихло и замерло.

— Встаньте и читайте молитву! —скомандовалъ онъ по-гречески.

Ученики быстро поднялись и, стоя на своихъ мѣстахъ, обратились лицомъ къ задней стѣнѣ, близъ которой висѣла въ углу крохотная, едва замѣтная иконка.

— Спиридонъ Фекіакисъ, читай сегодня ты!

Вызванный ученикъ прочелъ по-гречески „Отче нашъ“ и еще какую-то молитву въ стихахъ. На половинѣ этой второй молитвы учитель остановилъ его бранью, вовсе не соответствовавшей религиозному настроенію, грознымъ окрикомъ:

— Врешь! Не такъ! Герасимось Вогазіанось, читай ты!

Второй ученикъ докончилъ прерванное чтеніе. Пока онъ читалъ, глаза учителя метали искры на Фекіакиса, который прощрафился ошибкою въ молитвѣ.

— Къ полукругамъ! —раздалась команда.

Ученики вылѣзли изъ-за партъ, и каждый классъ, за исключеніемъ самаго старшаго, пятаго, направился въ свой опредѣленный уголъ. Въ углахъ были устроены особыя педагогическія приспособленія. Отъ одной стѣны до другой, на высотѣ аршина отъ пола шла выгнутая дугой желѣзная круглая полоса, отмежевывавшая четверть окружности, центръ которой находился въ самомъ углу. Ученики размѣстились у этихъ полосъ снаружи, лицами въ уголъ и спинами къ серединѣ комнаты. Когда это было сдѣлано, учитель вызвалъ четверыхъ учениковъ старшаго класса и отправилъ ихъ по одному въ каждый уголъ. Эти старшіе ученики, очень польщенные оазанымъ имъ почетомъ, пролѣзли подъ полосами въ пространство между угломъ и желѣзомъ и, очутившись лицомъ передъ младшими товарищами, тотчасъ же приняли важную и строгую осанку и начали спрашивать уроки.

Въ классной комнатѣ, у передней стѣны, лицомъ къ партамъ стояла на возвышеніи полукруглая черная деревянная каеэдра со стуломъ внутри. Вокругъ этой каеэдры стали полукругомъ ученики пятаго класса—здоровенные великовозрастные молодцы, а на стулѣ помѣстился учитель. Здѣсь тоже началось спрашиваніе уроковъ. Но передъ этимъ провинившемуся во время молитвы Спиридону Фекіакису было сдѣлано должное внушеніе. Кефалонецъ подоввалъ его къ каеэдрѣ и, держа въ рубѣ толстую линейку, приказалъ по-гречески:

— Протягивай руку!

Фекіакисъ заревѣлъ.

— Протягивай руку! —уже грозно крикнулъ Вучина.

Винуватый, не переставая ревѣть, робко и опасливо протянулъ руку ладонью вверхъ. Началась игра кошки съ мышкой. Кефалонецъ взмахивалъ линейкою въ воздухѣ, съ удовольствіемъ нацѣвливался ею и дѣлалъ видъ, что хочетъ ударить по ладони. Феѳіакисъ всякій разъ нервно отдергивалъ руку назадъ, но, повинуюсь новымъ грознымъ окрикамъ, долженъ былъ протягивать ее снова впередъ. Наконецъ, вдоволь натѣшившись, Николай Спиридоновичъ отсчиталъ нѣсколько очень горячихъ ударовъ, отъ которыхъ не только покраснѣла, но и вспухла ладонь, и отослалъ плачущаго ученика на мѣсто.

Занятія въ углахъ тянулись около часа. У учениковъ, въ томъ числѣ и у обонхъ новичковъ, давно уже устали и отекли ноги. Занимавшійся съ приготовительнымъ и съ первымъ классомъ старшій ученикъ прямо объявилъ на русскомъ языкѣ Антону Тсехофу:

— Ты, свиня, ницево ни знансъ. Ты—новый. Тебе я ни буду спросить урока.

Уроки во всѣхъ четырехъ углахъ были уже давно спрошены у всѣхъ, и ученики съ томленіемъ поглядывали на кафедру. Тамъ трое верзилъ старшаго класса стояли на полу на колѣняхъ, а Николай Спиридоновичъ, сидя на своемъ стулѣ и положивъ каблукъ правой ноги на колѣно лѣвой, молчалъ, ковырялъ перышкомъ въ зубахъ и съ равнодушіемъ плотно позавтракавшаго и сытаго человѣка глядѣлъ раздвоеннымъ и ничего не выражавшимъ взглядомъ на окно, сквозь которое былъ виденъ кусочекъ моря, противоположный берегъ залива и надъ нимъ—полоска голубого, безоблачнаго неба. Созерцаніе это, должно быть, очень нравилось ему, потому что прошло еще довольно много времени прежде, чѣмъ онъ вышелъ изъ забытья, очнулся и командовалъ:

— Маршировка вокругъ класса!..

Ученики, начиная съ самыхъ младшихъ, потянулись гуськомъ вдоль партъ. По мѣрѣ того, какъ они, выстукивая ногами, подвигались впередъ, къ нимъ присоединялись постепенно ученики изъ прочихъ угловъ и, въ концѣ концовъ, къ самому хвосту присоединился и пятый классъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые стояли на колѣняхъ. Они такъ и остались стоять. Марширующіе, стуча, какъ лошади, обошли вокругъ партъ три раза и затѣмъ, опять-таки по командѣ, усѣлись по мѣстамъ.

— Достаньте ваши тетради и пишите чистописаніе! — послѣдовалъ приказъ.

У новичковъ еще не было ни тетрадей, ни перьевъ—и они

остались сидѣть, сложа руки. Прочіе же ученики, безъ различія возрастовъ и классовъ, достали тетради, гусиные перья, чернила и греческія прописи и принялись за работу. Въ воздухѣ повисъ скрипъ болѣе полусотни перьевъ. Вучина, окинувъ комнату строгимъ взглядомъ, ушелъ опять къ себѣ. вмѣстѣ съ его уходомъ прекратилось и чистописаніе. Но возни и дракъ уже не было. Ученики были утомлены и голодны. Одни, чтобы убить какъ-нибудь время, дѣйствительно царапали перьями по бумагѣ, а другіе просто сидѣли, уныло повѣсивъ головы или положивъ ихъ на парты.

Время тянулось безконечно долго. У мелководныхъ мальчугановъ приготовительнаго и перваго класса отъ голода и отъ истомы на лицахъ выступила блѣдность. Но до этого дѣла не было никому. Гдѣ-то на половинѣ учителя часы, наконецъ, пробили чуть слышно три, и только тогда на порогѣ входныхъ дверей показалась растрепанная и грязная фигура хохлушки-кухарки и поведительно произнесла:

— Ходить до дому! Миколай Спиридонычъ вилівъ, що-бъ вы тікали до дому!

Ученики гурьбою и съ шумомъ, давя другъ друга въ дверяхъ, бросились въ обширную переднюю, гдѣ висѣло верхнее платье, и быстро разбѣжались. Въ классѣ остались только печальныя колѣнопреклоненныя фигуры трехъ старшихъ учениковъ. Они были оставлены безъ обѣда на неопредѣленно долгое время, потому что Николай Спиридоновичъ, послѣ своего обѣда, имѣлъ обыкновеніе спать и просыпался въ разное время—когда Богъ на душу положитъ...

Истомленные и голодные братья съ трудомъ доплелись до дома. У обоихъ отъ пережитыхъ ощущеній такъ болѣли головы, что они ничего не могли ѣсть. Первый визитъ въ школу произвелъ на нихъ далеко не веселое впечатлѣніе.

— Надо будетъ давать дѣтямъ съ собою по куску хлѣба, — рѣшила съ материнскою заботливостью Евгенія Яковлевна и, повачавъ грустно головою, прибавила:—Право, лучше было бы ихъ въ гимназію отдать, благо она — подъ бокомъ. А съ этой школой отъ одной только ходьбы можно захворать. Шутка ли, ходить каждый день такую даль — къ Греческой церкви... Тутъ и у взрослога ноги заболятъ...

IV.

Николай Спиридоновичъ Вучина, или—въ греческомъ произношеніи—Николаосъ Вутсинасъ, по его собственнымъ словамъ, родился въ Кефалоніи и въ Россію прибылъ „безъ панталоніа“ искать счастья, которое никакъ не давалось ему въ руки на родинѣ. Получилъ ли онъ хоть какое-нибудь образованіе — осталось навсегда тайною. Точно также никто изъ таганрожцевъ не зналъ, когда и въ какомъ видѣ онъ вступилъ впервые на русскую землю. Всѣ узнали его уже прямо учителемъ греческой школы, точно онъ именно учителемъ, а ни кѣмъ другимъ, свалился прямо съ облаковъ.

Съ вѣшной стороны это былъ высокаго роста, рыжій, бородатый, типичный грекъ съ рѣзкими и угловатыми движеніями, съ южнымъ сангвиническимъ темпераментомъ, способный быстро воспламеняться, свирѣпо вращать бѣлками глазъ и изрыгать на своемъ родномъ нарѣчій всякія отборныя словеса. По крайней мѣрѣ, школа наслушалась этихъ словесъ достаточно. Весьма возможно, что въ душѣ онъ, можетъ быть, былъ и добрымъ человекомъ, но невоспитанность и темпераментъ дѣлали его подчасъ очень жестокимъ. Это тоже многіе ученики школы испытали на себѣ. Учитель онъ былъ вообще плохой, съ весьма узкимъ кругозоромъ и почти съ полнымъ отсутствіемъ преподавательской жилки. Глядя на него и на его занятія въ школѣ со стороны, можно было подумать, что онъ несетъ на своихъ плечахъ бремя преподавательскихъ заботъ только потому, что это самое бремя возложено на него его покровителями-меценатами. Еслибы его, когда онъ былъ еще „безъ панталоніа“, меценаты посадили влѣркомъ въ какую-нибудь хлѣбную контору, то онъ и тамъ чувствовалъ бы себя такъ же, какъ чувствовалъ въ школѣ. Былъ бы лишь обезпеченъ кусокъ хлѣба.

Все-таки, при всей своей ограниченности, онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы держаться за этотъ кусокъ какъ можно крѣпче. Передъ меценатами онъ преклонялся и лебезилъ; родителей увѣрялъ, что ихъ дѣти учатся прекрасно, умѣлъ съ увлеченіемъ потолковать о синтаксисѣ, о величій современной Греціи и о великодушій и благородствѣ меценатовъ, и самыми лучшими воспитательными средствами считалъ оплеухи, щелчки по головамъ и чуть ли не инквизиціонныя приемы. Одною изъ самыхъ несимпатичныхъ сторонъ его характера было то, что,

наказывая ученика, онъ увлекался, входилъ во вкусъ и даже наслаждался страданіями своей жертвы.

Занимался онъ съ учениками очень мало и старался сводить все преподаваніе къ разъ навсегда установившейся формѣ и къ установленному числу часовъ въ сутки. Ученики должны были высиживать ежедневно отъ 9-ти до 3-хъ, а вопросъ объ ихъ успѣхахъ интересовалъ его мало. Изрѣдка онъ подсаживался къ какому-нибудь ученику и спрашивалъ его урокъ. Но такъ какъ учениковъ было около семидесяти, а онъ былъ одинъ, то и не было никакого дива въ томъ, что какой-нибудь Герасимось Магуласъ или Александрось Ливацасъ по четыре и по пяти мѣсяцевъ сидѣли надъ одной и тою же страницей раскрытаго учебника, нисколько не подвигаясь впередъ.

Вутсинасъ былъ холостъ и жилъ одиноко, но всегда держалъ у себя женскую прислугу, которую мѣнялъ часто и присутствіе которой тутъ же рядомъ, по сосѣдству съ классной комнатою, немало волновало старшій пятый классъ. Великовозрастные дѣтныи всегда находили способы пробираться въ кухню своего дидаскала (учителя) и затѣмъ ухарски рассказывали о своихъ похожденияхъ, а подростки слушали ихъ, разинувъ рты и захлебываясь...

На второй день своего поступленія братья Чеховы явились въ школу съ книжками и двумя двугривенными за нихъ, но безъ знанія греческой азбуки. Учитель подсѣлъ къ нимъ, какъ къ новичкамъ, и, увидѣвъ, что ни одинъ изъ нихъ не усвоилъ названій: альфа, вита, гамма, дельта и т. д., сокрушенно проговорилъ:

— Ни знаишь урокъ... Ни харасо, ни харасо!.. Нада уцѣца (учиться)...

Высказавъ это соболѣзнованіе, онъ отошелъ къ другимъ ученикамъ и ровно двѣ недѣли не обращалъ никакого вниманія на новичковъ, а тѣ столько же времени тупо просидѣли надъ раскрытыми азбуками. Просвѣтилъ ихъ помощникъ Вучины—нѣкто Спиро.

По ремеслу Спиро былъ маклеръ по хлѣбной части и справлялъ кое-какія порученія греческихъ вупцовъ въ таможенѣ по очисткѣ товаровъ пошлиною. Являлся онъ въ школу довольно рѣдко и занимался съ учениками то ариѳметикой, то греческимъ чтеніемъ, то чистописаніемъ. Урокъ ариѳметики заключался въ томъ, что онъ всей школѣ сразу задавалъ задачи на правило сложенія и далѣе этого правила не шелъ. Человѣкъ онъ былъ добродушный, но небогатый образованіемъ и весьма скверно

говорилъ по-русски. Ему-то Николай Спиридоновичъ и поручилъ заняться съ двумя новичками. Благодаря лишь ему, они кое-какъ сладили съ азбукою, но поладить съ своеобразнымъ произношеніемъ буквы „ѳита“ не могли никакъ. Ихъ русскіе рты не поддавались греческой ломкѣ и не повиновались. Спиро доходилъ въ своемъ усердіи чуть не до бѣлаго каленія, оттягивалъ своимъ большимъ пальцемъ нижнюю губу Антона Павловича внизъ и приказывалъ:

— Полови языка на зуба и скази: ѳита!..

Какъ ни силился злополучный новичокъ совладать съ греческимъ произношеніемъ — ничего у него не выходило. Спиробился, бился и бросилъ. Братья Тсехофы были опять на нѣсколько мѣсяцевъ брошены и предоставлены самимъ себѣ. Въ школу они ходили аккуратно, каждый день до утомленія высиживали положенное число часовъ, но въ концу первой половины академическаго года дальше чтенія слоговъ не ушли.

За этотъ промежутокъ времени Павелъ Егоровичъ, чтобы освѣдомиться объ успѣхахъ своихъ сыновей, одинъ разъ побывалъ въ школѣ.

— О, васи сини харасо, дазе очень харасо уцица! — доложилъ ему Николай Спиридоновичъ.

Павелъ Егоровичъ, ничего не смыслившій въ греческомъ языкѣ, повѣрилъ на слово и ушелъ домой вполне успокоенный и довольный. Ему по дорогѣ уже грезились гдѣ-то на горизонтѣ, въ туманной дали будущаго, мѣста въ конторахъ: онъ въ мечтахъ уже видѣлъ своего Колю клэркомъ въ конторѣ у Вальяно, а Антошу — въ конторѣ у Скараманга...

Вучина же, чтобы еще болѣе укрѣпить отца въ увѣренности, что его дѣти преуспѣваютъ, въ тотъ же день выдалъ каждому изъ нихъ по наградѣ. Это были маленькіе четырехугольные листочки зеленоватой бумаги, называвшіеся „вравіонъ“ (отъ слова: „браво“). На этихъ листочкахъ по-гречески были напечатаны прилагательныя, обозначавшія разныя добродѣтели. Коля принесъ домой листочекъ съ надписью: „эвсейсь“, т.-е. „благочестивый“, а Антоша — „эпимелйсь“, т.-е. „прилежный“. Павелъ Егоровичъ показалъ эти награды своимъ лавочнымъ завсегда-таямъ, и тѣ успѣшили увѣрить его, что онъ прекрасно сдѣлалъ, что отдалъ дѣтей въ школу, а не въ гимназію, и что лучше греческой школы въ Таганрогѣ ни единого учебнаго заведенія нѣтъ.

V.

Въ тотъ самый день, когда Павелъ Егоровичъ посѣтилъ школу, Коля и Автоша, вернувшись домой, рассказали за вечернимъ чаемъ, что учитель поставилъ на колѣни ученика Фекіакиса. Но на этотъ рассказъ ни Павелъ Егоровичъ, ни Евгенія Яковлевна, занятые своими мыслями и дѣлами, не обратили особеннаго вниманія. Евгенія Яковлевна мелькомъ лишь осведомилась, за что именно ученикъ былъ наказанъ, и, узнавъ, что у него былъ найденъ табакъ, вравоучительно проговорила:

— И за дѣло. Рано ему еще курить... Смотрите, вы у меня не курите, когда выростете...

На дѣлѣ же въ школѣ произошло слѣдующее событіе. За полчаса до прихода Павла Егоровича, Вучина, выйдя изъ своихъ апартаментовъ, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица и особенной походкой хищнаго звѣря направился прямо къ партѣ пятаго класса и, схвативъ семнадцатилѣтняго Фекіакиса за шиворотъ, молча приподнялъ его на ноги и привазалъ:

— Покажи пальцы!

Застигнутый врасплохъ, Фекіакисъ покраснѣлъ и въ одинъ мигъ спряталъ обѣ руки за спину, но учитель круто вывернулъ ихъ, разжалъ сомкнутые въ кулаки пальцы, внимательно осмотрѣлъ ихъ и грозно крикнулъ:

— Фумарись, анаема-су! Ты куришь, анаема!

— Охи! Ма то Θεο όχι! Нѣтъ! Ей Богу, нѣтъ!—отвѣтилъ струсившій ученикъ, и въ отвѣтъ получилъ два полновѣсныхъ удара по лицу.

— Показывай карманы! Дьяволъ!

И, не давая малому пошевелиться и опомниться, учитель быстро, обѣими руками залѣзъ ему въ карманы панталонъ и свирѣпо выворотилъ ихъ наружу. Изъ кармановъ посыпались гвозди, обрывки веревочки, камешки, пробки и корка хлѣба, но табаку въ нихъ не оказалось. Вучину это нисколько не смутило.

— Показывай, анаема, карманы сюртука!

На обыскиваемомъ былъ надѣтъ старый, поношенный сюртукъ съ отцовскаго плеча, застегнутый на пуговицы до верху. Услышавъ приказъ учителя, Фекіакисъ сильно смутился и судорожно прижалъ обѣ руки къ пуговицамъ.

— Ага!—вскричалъ съ торжествомъ Вучина.—Прячешь!

Ударивъ малаго кулакомъ по рукамъ, онъ однимъ рѣзкимъ

движеніемъ разстегнулъ сюртукъ и распахнулъ его. Фекіакисъ смутился еще болѣе и громко заревѣлъ, призывая всю вселенную въ свидѣтели, что онъ не куритъ. Распахнутый сюртукъ обнаружилъ передъ всѣмъ классомъ тайну бѣдняка: на немъ совсѣмъ не было сорочки, и только на шеѣ былъ повязанъ сложенный въ нѣсколько разъ коленкоровый женскій головной платокъ. Но учителя эта нагота не смутила нисколько. Онъ храбро залѣвъ рукою во внутренніе боковые карманы, но и тутъ потерпѣлъ неудачу: рука его свободно проваливалась подъ подкладку до самаго низа фалды. Кармановъ въ сюртукѣ не было: были только однѣ бездонныя дыры. Такимъ же манеромъ были обысканы и задніе карманы, но и тамъ оказались такія же дыры.

Съ лица учителя сразу сбѣжало уже заранѣе подготовленное торжествующее выраженіе и онъ уже начиналъ чувствовать себя неловко передъ всѣми учениками, съ любопытствомъ и страхомъ слѣдившими за происходившей сценой. Но вдругъ его осѣнила счастливая мысль, и на лицѣ показалось прежнее выраженіе. Онъ, какъ воршунъ, набросился на шейный платокъ Фекіакиса, быстро развязалъ узелъ, сдернулъ съ шеи и, разложивъ у себя на колѣнѣ, сталъ разворачивать его складки. Фекіакисъ поблѣднѣлъ.

Увы! Въ складкахъ платка оказались табакъ и папиросная бумага. Учитель съ неописуемымъ торжествомъ поднялъ эти трофеи театральнымъ жестомъ вровень съ своей головой и показалъ всему классу, какъ будто желая оправдаться въ произведенномъ насиліи и обыскѣ.

— Принесите лѣстницу! — scomандовалъ онъ.

Двое услужливыхъ учениковъ-подхалимовъ, вскочивъ со своихъ мѣстъ и сбивая отъ усердія другъ друга съ ногъ, бросились опрометью вонъ изъ класса и черезъ полминуты не безъ труда приволокли изъ кухни переносную, стоячую лѣстницу о трехъ ступеняхъ, съ помощью которой вухарка закрывала у печей вьюшки. Привычнымъ движеніемъ лѣстница была установлена на серединѣ комнаты, передъ каедрой.

— На колѣни, на вторую ступень! — scomандовалъ учитель инквизиторскимъ тономъ.

Фекіакисъ, застегивая застѣнчиво пуговицы сюртука, пошелъ молча къ лѣстницѣ, понуривъ голову, какъ приговоренный къ смерти, и всталъ колѣнями на вторую ступеньку.

— Подайте штрафныя дощечки!

Тѣ же двое подхалимовъ, радуясь возможности прислужиться, сбѣгали въ комнату Вучины и вернулись оттуда съ двумя чер-

ными дощечками, сквозь которыя были продѣты шнуры. На одной изъ нихъ учитель собственноручно написалъ мѣломъ: „Курить“, а на другой — бранное слово. Одна изъ дощечекъ была повѣшена Фекіакису на грудь, а другая — на спину. Окончивъ эту процедуру, учитель отошелъ на нѣсколько шаговъ назадъ и полюбовался фігурою казнимаго.

— Этого мало, — произнесъ онъ. — Привнесите изъ кухни кочергу!

Кочерга была принесена и подана.

— Привнесите изъ моей комнаты съ рукомойника полотенце!

Полотенце было подано, и съ помощью его кочерга была повѣшена за спиною наказуемаго на подобіе солдатскаго ружья. Вучина полюбовался я этой картиной. Въ глазахъ его уже стало мелькать увлеченіе.

— Подними, анаѣема, правую руку вверхъ и, не переставая, двигай указательнымъ пальцемъ! Теперь ты будешь знать, какъ курить...

Сгибать и разгибать непрерывно палецъ—это чисто инквизиціонная пытка. Въ этомъ каждый легко можетъ удостовѣриться на опытѣ. Несчастнѣй Фекіакисъ уже черезъ пять минутъ со страданіемъ на лицѣ опустилъ отекающую и омертвѣвшую руку; но кефалонецъ далъ виновному подзатыльникъ и собственноручно придавъ рукѣ прежнее положеніе.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Обезсилѣвшая рука три или четыре раза опускалась, но учитель неумолимо поднималъ ее опять вверхъ.

— Можете меня убить, но я дольше не могу держать, — проговорилъ со стономъ Фекіакисъ.

— Врешь, анаѣема! Я тебя научу бурить...

— Дядаскале (Учитель)! Кто-то идетъ!—заявилъ одинъ изъ учениковъ, показывая на дворъ рукою.

Вучина выглянулъ въ окошко. По двору, по направленію къ школѣ, шелъ Павелъ Егоровичъ.

— Убирайся вонъ, скотина! Садись на мѣсто! — крикнулъ Вучина Фекіакису.

Въ одинъ мигъ исчезли и кочерга, и штрафныя доски и лѣстница. Фекіакисъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и потряхивалъ онемѣвшей рукою. Николай Спиридоновичъ въ это время стоялъ уже около двери съ самой привѣтливой улыбкой и, потирая отъ удовольствія руки, встрѣчалъ входящаго Павла Егоровича.

— Очень пріятна! Очень пріятна! Позалуйте... Бакорнѣйсе прасу...

VI.

Наступили рождественскія вакаціи. У Павла Егоровича вечеромъ на рождественскихъ святкахъ собрались гости, и ему вздумалось прихвастнуть передъ ними познаніями своихъ дѣтей въ греческомъ языкѣ. Онъ позвалъ Колю и Антошу и велѣлъ имъ принести свои книжки и прочесть что-нибудь при гостяхъ. Гости изъявили желаніе послушать и, какъ водится, приготовились заранѣе похвалить изъ вѣжливости прилежныхъ мальчиковъ. Но вмѣсто ожидаемаго эффе́кта получилось полное огорченіе для родительскаго сердца. Коля еще кое-какъ прочелъ по складамъ два слова, а Антоша не могъ сдѣлать даже и этого, и только пыхтѣлъ отъ напряженныхъ усилій прочесть. Павелъ Егоровичъ былъ пораженъ.

— Полгода ходите въ школу, а даже и читать не научились?!—воскликнулъ онъ.

— Намъ въ школѣ никто не показываетъ,—отвѣтили мальчики.

Начались на эту тему разговоры. Павелъ Егоровичъ обвинилъ дѣтей въ лѣности и тутъ же, при гостяхъ, сдѣлалъ имъ выговоръ. Коля и Антоша ушли спать въ слезахъ. Ночью Антоша во снѣ вздрагивалъ и часто просыпался. Ему припомнилось происшествіе съ учениками Константиномъ Пиратисомъ и Александромъ Ликацасомъ. Оба эти мальчугана одно время не исправно посѣщали школу и не являлись въ классъ дня по три. Учитель отмѣчалъ ихъ въ журналѣ отсутствующими, но особеннаго значенія этому отсутствію не придавалъ, думая, что они больны.

Вдругъ въ одинъ прекрасный день отворяется дверь классной комнаты и въ нее входитъ дюжій, грубый матросъ и вводитъ за шивороты обоихъ учениковъ. Войдя, онъ первымъ дѣломъ бросаетъ подъ ноги удивленному Вучинѣ горсть орѣховъ и нѣсколько рожковъ и затѣмъ разражается по-гречески цѣлымъ потокомъ упрековъ.

— Развѣ я затѣмъ посылаю къ тебѣ въ школу своего племянника Константина, чтобы онъ шляется по гавани и вралъ изъ мѣшковъ орѣхи и рожки? Развѣ, Никола, я тебѣ за это деньги плачу? Я тебѣ плачу свои кровные, трудовые рубли за то, чтобы ты училъ его и смотрѣлъ за нимъ, а ты его выпустилъ такъ, что я сейчасъ лично самъ поймалъ его вмѣстѣ съ этимъ мальчишкой въ гавани за кражею... Если ты не накажешь его, то

наказу я самъ. Я имѣю на это право: я—его дядя. Вели подать хорошую веревку!..

Вучина поблѣднѣлъ отъ этихъ упрековъ и разолился. Загорочавъ бѣлками, онъ въ свою очередь наговорилъ матросу полкостей и упрекнулъ его возраженіемъ, что не школа сдѣлала его племянника воромъ, а домашнее воспитаніе. Два грева съ пылкимъ темпераментомъ сдѣпились.

— Подай хорошую веревку!—настаивалъ матросъ.—Этого, другого мальчишку наказывай ты, потому что онъ мнѣ—чужой, а племянника я выдеру самъ. Подай мнѣ веревку!..

— Привесите веревку!—приказалъ учитель.

Но никто изъ учениковъ не шевельнулся. Весь классъ, чувствуя недоброе, сталъ блѣденъ. Не шевельнулись даже и всегда готовые къ услугамъ ученики-подхалимы. Кефалонецъ отдернулъ виноватаго Ликацаса за руку и швырнулъ его въ уголъ, вышелъ и скоро вернулся съ толстой веревкой, на которой вѣшаютъ для просушки бѣлье.

— На, возьми!—швырнулъ онъ ее матросу.

Матросъ, не выпуская племянника, поднявъ веревку, крѣпко схватилъ одной рукою шиворотъ и шею мальчика, а другою принялся жестоко обрабатывать несчастное тѣло своего родственника. Экзекуція отличалась такимъ варварствомъ, что весь классъ въ одинъ голосъ закричалъ:

— Довольно! Довольно!

Почти всѣ плакали. Учитель въ свою очередь крикнулъ:

— Довольно! Убьешь!

Но расходившагося грева урезонить было нелегко. Пришлось тоже прибѣгнуть къ силѣ. Вучина и старшіе ученики отняли у него и веревку, и племянника. Брошенный дядею мальчуганъ лежалъ на полу безъ движенія. Изъ рта и изъ носа у него сочилась кровь.

— Убилъ!—разнеслось по классу.

Учитель тоже поблѣднѣлъ и крикнулъ матросу:

— Ты его убилъ! Ты осквернилъ мою школу!..

Вокругъ влополучнаго мальчугана столпилась почти вся школа, блѣдная, испуганная и трепещущая. Матросъ тоже смотрѣлъ тупо и съ недоумѣніемъ на неподвижное тѣло. Вучина въ волненіи хрустѣлъ пальцами.

— Убилъ, убилъ, убилъ...—стоялъ въ воздухѣ шопоть.

Ни младшіе, ни старшіе не знали, что дѣлать. Прошло минутъ пять. Избитый мальчикъ глубоко вздохнулъ и пошевелилъ рукою. Его сейчасъ же подняли и посадили на конецъ парты.

Онъ осмотрѣлся мутными глазами и, положивъ руки на парту, а голову на руки, затихъ. Кто-то догадался принести воды. Ему дали сдѣлать глотокъ изъ ковша, а остальное вылили на голову. Повемногу онъ началъ приходить въ себя.

Матросъ, не говоря ни слова, надвинулъ на голову шапку, энергично плюнулъ на полъ и вышелъ. Вучина, чтобы замѣть скандалъ и дать общему настроенію другое направленіе, проявилъ необычайную энергію и началъ спрашивать у учениковъ уроки съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ, казалось, никогда еще не спрашивалъ. Черезъ часъ все пришло въ норму. Константинъ Пиратисъ очнулся и оправился. Его тотчасъ же отпустили домой. Занятія пошли своимъ порядкомъ. Кефаловецъ, окончивъ спрашиваніе уроковъ, задалъ всѣмъ чистописаніе и уже хотѣлъ уходить, по обыкновенію, къ себѣ, но тутъ вдругъ вспомнилъ, что есть еще другой виноватый въ томъ же грѣхѣ, но еще не понесшій заслуженнаго наказанія—Александръ Ливадасъ.

Оставить его безъ наказанія было невозможно, да встать вышло бы и несправедливо: одного чуть не убили до смерти, а другому все это сойдетъ съ рукъ даромъ! Нѣтъ. Такъ нельзя. Нужно, чтобы и онъ почувствовалъ, какъ опасно маневрировать уроками. Надо, чтобы и онъ получилъ возмездіе...

Но какое и въ какомъ видѣ? Поставить на колѣни на лѣстницу съ позорными дощечками и кочергою—старо. Оставить безъ обѣда—тоже старая исторія. Нужно что-нибудь поновѣе и повнушительнѣе, чтобы почувствовала вся школа.

Николай Спиридоновичъ задумался. Рѣшеніе задачи, однакоже, подвернулось скоро. Изобрѣтательность сдѣлала свое дѣло. Недолѣе, какъ черезъ пять минутъ, были принесены три полотенца. Ихъ скрутили жгутами, обвязали вокругъ талии Ливадаса и въ такомъ видѣ повѣсили его на оконной ставнѣ, зацѣпивъ петлю полотенца за ея верхушку. Вышло и назидательно, и строго, и безвредно для здоровья. Виноватый никакъ не увѣчій и членовредительствъ не претерпѣлъ, но страха натерпѣлся достаточно. Это было видно уже изъ того, что онъ, ревѣвшій при началѣ экзекуціи во всю глотку, очутившись на воздухѣ, затихъ и лицо его изображало одинъ лишь сплошной и неописуемый ужасъ. Пробылъ онъ въ висячемъ положеніи не болѣе двухъ-трехъ минутъ, но онѣ показались ему вѣчностью...

Будетъ помнѣть долго...

VII.

Но не всегда кефалонецъ оказывался строгъ. Бывали недѣли, когда онъ былъ кротокъ и добръ и не только не отжаривалъ учениковъ по рукамъ линейкою и не давалъ имъ оплеухъ, но даже снисходилъ до того, что поглаживалъ нѣкоторыхъ мальчугановъ по головкѣ. Чѣмъ вызывались эти приливы кротости — не зналъ никто. Вся школа въ такіе „добрые“ промежутки оживала и дышала свободнѣе.

Но юныя природы всегда остаются юными, и отъ шалостей молодежь не отказывается никогда. Въ одинъ изъ такихъ добрыхъ промежутковъ ученики пятого класса совершили выходку, испортивавшую все дѣло и повернувшую настроеніе учителя опять на старый строгій ладъ.

Одна изъ дверей классной комнаты вела въ то необходимое помѣщеніе, безъ котораго не обходится ни одно жилье. Этимъ помѣщеніемъ пользовались одинаково какъ ученики, такъ и учитель, но только учитель держалъ свое отдѣленіе на замкѣ.

Въ одинъ довольно пасмурный и нагонявшій угрюмое настроеніе день помощникъ учителя — Спиро, побывавъ въ этомъ мѣстечкѣ, подошелъ къ Николаю Спиридоновичу и сказалъ по-гречески:

— Пойдемъ-ка, я тебѣ покажу нѣчто интересное.

Вслѣдъ за этимъ они оба удалились туда, откуда только-что вышелъ Спиро, и мѣнѣе, чѣмъ черезъ пять секундъ, Вучина вылетѣлъ, взбѣшенный до нельзя.

— Кто осмѣлился написать? — закричалъ онъ, вращая бѣлками.

Отвѣта не послѣдовало.

— Вы молчите? Хорошо же! — прошипѣлъ онъ, захлебываясь отъ гнѣва. — Это сдѣлалъ кто-нибудь изъ пятого класса... Я найду виноватаго... Автонопулось, ступай въ доскѣ и напиши слово: „дидаскалось“ (учитель).

Автонопулось исполнилъ это. Учитель всмотрѣлся въ его почеркъ и сбѣгалъ свѣряться.

— Что тамъ такое написано? — освѣдомились встревоженные ученики у Спиро.

— Тамъ какая-то свотина написала на стѣнѣ мѣломъ: „Дидаскалось треллось“ (учитель — дуракъ), — отвѣтилъ добродушный Спиро.

Возвратившійся съ ревизіи учитель сталъ вызывать пооче-

редно въ доскѣ остальныхъ учениковъ, прихватывая кое-кого и изъ четвертаго класса.

— Вогазіонось, напиши ты „дидаскалось“!.. Діамандидись, види ты и напиши то же слово... Магуласъ, пошелъ въ доскѣ ты...

Всѣ писали, и учитель, съ тщательностью эксперта, свѣрляя почерки и старался отыскать виновнаго. Одинъ изъ учениковъ, памятуя фразу, произнесенную устами Спиро, вздумалъ было написать ее цѣликомъ, но лишь только вывелъ первыя три буквы: „трел...“ (дур...), какъ сподобился пощечины.

Перебравъ и сличивъ всѣ почерки и сбѣгавъ еще разъ пять или шесть свѣрить съ подлинною фразою, кефалонецъ рѣшилъ, что дерзкимъ злоумышленникомъ долженъ быть не кто иной, какъ Фекиависъ. Напрасно бѣдняга божился и клялся, что онъ не писалъ ни одной буквы и что его почеркъ совсѣмъ иной. На него посыпались оплеухи и щелчки безъ счета. Онъ едва успѣвалъ прикрывать голову руками.

Но оскорбленіе не могло быть смыто однѣми только колотушками. Оно было слишкомъ глубоко. Немезида требовала мщенія, соответствующаго винѣ. Фекиависа увѣшали позорными досками, привязали къ спинѣ накрестъ кочергу и ухватъ и въ такомъ видѣ поставили на стулъ, какъ на лобное мѣсто, передъ каедрой. Такъ онъ простоялъ до самаго конца дневныхъ занятій въ школѣ. Въ этотъ день учениковъ распустили по домамъ не всѣхъ сразу, а по одиночкѣ. Каждаго ученика въ отдѣльности Спиро и Вучина подводили въ виновнику и приказывали:

— Скажи: „мерзавецъ“ и плюнь ему въ лицо.

Ученики въ точности выполняли приказъ, и только послѣ этого ихъ выпускали въ переднюю одѣваться. Антонъ Павловичъ тоже исполнилъ этотъ обрядъ оплеванія и долго потомъ помнилъ его, хотя и не любилъ вспоминать о немъ, какъ о гнусномъ надругательствѣ надъ человѣкомъ изъ чувства личной мести.

Фекиависъ простоялъ на стулѣ трое сутокъ. Его отпускали домой только на одинъ часъ пообѣдать. Вся эта печальная исторія закончилась еще болѣе печальнымъ финаломъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія вышелъ изъ школы самый старшій по возрасту ученикъ, двадцатилѣтній Антонопулось. Ему стало уже не въ моготу сидѣть на школьной скамьѣ. Уходя и прощался съ товарищами, онъ съ злымъ смѣхомъ заявилъ:

— А вѣдь эту фразу: „дидаскалось трелось“ написалъ не Фекиависъ, а я...

Кефалонецъ заскрежеталъ зубами, но уже было поздно. Антонопулось уже не былъ ученикомъ школы и въ случаѣ све-

денія личныхъ счетовъ могъ бы постоять за себя и отвѣтить съ лихвою...

Зимніе мѣсяцы прошли. Запахло весною—ароматною южною весною. Скоро въ садахъ зацвѣли тюльпаны и сирень. Приближались экзамены. Павелъ Егоровичъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, и былъ вполне увѣренъ, что Коля и Антоша перейдутъ въ слѣдующій классъ. Но на дѣлѣ оказалось, что они въ теченіе всего года не только не учили таинственнаго „синтаксиса“, во даже и не научились по гречески ни читать, ни писать. Мечтамъ о конторѣ не суждено было осуществиться. Онѣ разлетѣлись, какъ дымъ. Евгенія Яковлевна, стоявшая за гимназію, и знакомые педагоги взяли верхъ. Павелъ Егоровичъ вздохнулъ и ближайшей же осенью облекъ дѣтей въ гимназическіе мундиры. Антоша поступилъ въ подготовительный классъ.

Незадолго до смерти Антоны Павловича я былъ въ Ялтѣ и сидѣлъ въ его кабинетѣ. Толковали о многомъ и, между прочимъ, вспоминали старину. Антоны Павловичъ тогда собирался за границу, въ Баденвейлеръ. Онъ былъ веселъ и хорошо настроенъ. Предстоящая поѣздка ему улыбалась. Во время разговора принесли почту—объемистый пукъ газетъ, книгъ и писемъ. Отложивъ газеты въ сторону, Антоны Павловичъ сталъ пересматривать присланныя ему книги и, раскрывъ одну изъ нихъ, засмѣялся своимъ тихимъ, добродушнымъ смѣхомъ.

— Вотъ меня и на греческій языкъ перевели; издатель книжку прислалъ,—сказалъ онъ.—Повидимому, и біографію приложили. Посмотри-ка, что такое обо мнѣ пишутъ... Ты вѣдь еще помнишь греческій языкъ.

Первыя же переведенныя строки біографіи заставили его еще разъ засмѣяться. Тамъ значилось, что Антоны Павловичъ происходилъ изъ духовной семьи и что отецъ его былъ—пѣвчій.

— Ты, однакоже, несмотря на свои старые годы, все еще помнишь греческій языкъ,—сказалъ онъ.—А вотъ я такъ совсѣмъ не знаю его, хотя тоже когда-то учился въ греческой школѣ. Не люблю я вспоминать о ней. Много испортила она моихъ дѣтскихъ радостей... Интересно было бы знать, живы ли еще Вучина и Спиро?...

Разговоръ перешелъ на воспоминавія. И это былъ одинъ изъ послѣднихъ нашихъ разговоровъ въ Ялтѣ.

А. С—ой.